

Джейку, моему Бэзилу





• Пролог •

1993

Мы с братом пробираемся через толпу курортников по Харбор-стрит. Сегодня суббота, и народу в городе полно: кто уплетает мороженое и пирожки, кто выбирает в лавочках сувениры, а кто просто наслаждается дивной летней погодой.

Но мы с Уиллом у магазинчиков не задерживаемся, хоть у меня и текут слюнки при виде белоснежного мороженого с шоколадными хлопьями в руках у какой-то дамы. День выдался жаркий, и я бы с радостью угостилась холодненьким, хоть мы только что и позавтракали. Бабушка говорит, что у меня не желудок, а бездонная бочка. Что поделаешь: аппетит у меня хороший, а здесь, на морском воздухе, еще больше разыгрывается.

Но сегодня не до мороженого. Потому что мы с Уиллом спешим на встречу кое с кем из самых любимых людей на свете.

Уилл на бегу прижимает к себе бумажный пакет, а я тащу охапку цветов: бабушка всучила их мне, когда мы выскакивали из ее цветочного магазина.

— Стэну привет, — говорит она, как обычно. — Не забудете?

— Не забудем! — и мы выбегаем на улицу.

Наконец мы выбираемся из толчи и гама Харбор-стрит и бежим к гавани. На скамейках полно заго-

рающих, они пытаются спасти от парящих над ними чаек рыбу, чипсы и чудесные пирожки из той булочной, что по соседству с бабушкиным магазином.

Сейчас бы пирожное с заварным кремом!

Наконец курортники с их соблазнительными лакомствами остаются позади, и мы взбираемся по узкой тропе на Пенгартен-Хилл.

— А вот и мои юные друзья!

Это наш старина Стэн сидит на вершине холма и любит прекрасный вид на город и гавань.

— Да вы, я погляжу, с гостинцами! Что же там такое?

— Пирог, конечно! — счастливо улыбающийся Уилл протягивает ему пакет.

— И цветы от бабушки.

И я отдаю букет.

— С ними в моем домишке становится краше, — говорит Стэн, нюхая цветы. — Так чем сегодня займемся? Историю рассказать? Или напрямиком в замок?

— Историю! — кричу я.

А Уилл говорит:

— В замок.

Стэн улыбается.

— А давайте и то, и другое? Расскажу вам историю по пути к Трекарлану.

Мы с Уиллом идем рядом со Стэном и улыбаемся в предвкушении очередной великолепной сказки о его удивительном доме.

Как это было захватывающе! Друг, который жил в замке! Я чувствовала себя сказочной принцессой.

Знала бы я тогда, весело шествуя вверх по холму, что эти драгоценные летние дни в Сент-Феликсе останутся счастливейшей порой моей жизни.



• Глава 1 •

Нарцисс — новые начала

Этого же не может быть, правда?

Я стою возле бабушкиного старенького цветочного магазина и смотрю на вывеску. «Гирлянда маргариток» — выведено желтыми буквами с завитушками. Но краска облупилась, первое слово читается как «ирл...нд», словно какая-нибудь ирландская лавка.

Я смотрю на вымощенную булыжником улицу: здесь мы носились детьми, бегали в булочную за восхитительными пирожками, в киоск — за бабушкиной любимой газетой. А с выбора новых совка и ведерка в пляжном магазине на углу начинались наши каникулы.

Да, это то самое место. Вот булочная, только теперь она называется «Голубая канарейка», а не «Мистер Бамблз», как прежде. Вон и газетный киоск, там, где улица вьется по склону холма. А в пляжном магазинчике чуть поодаль, наверное, летом по-прежнему можно купить совок и ведерко, но сейчас дождливый апрельский понедельник, время далеко за полдень, и двери там на замке, а внутри нет света.

Не стоит корить хозяев за то, что они закрыли магазин так рано: сейчас не лучшее время для отдыха на побережье. Над городом нависает туман, здесь тускло и сыро, и за то недолгое время, что я здесь нахожусь, мне попало очень мало отдыхающих. Если уж на то пошло, народу вообще мало.

Это природный феномен побережья: в солнечную погоду здесь яблоку негде упасть, но стоит приливу принести с собой тучи, как все исчезают, прячась по отелям, коттеджам и фургонам.

На каникулах у бабушки я иногда молилась, чтобы пошел дождь: тогда можно было бы вволю бродить по пляжам и лазить по утесам без целой толпы курортников вокруг.

Я окидываю взглядом извилистую улицу. За булочной, киоском и пляжными товарами — маленький супермаркет, благотворительный магазин, аптека и, кажется, художественная галерея, но издали не скажешь наверняка. Несколько очажков среди вереницы запустелых зданий с окнами, замазанными белой краской. Куда подевались сувенирные лавочки? В детстве их здесь было видимо-невидимо. Сент-Феликс славился своими изделиями — это вам не какие-нибудь панамки и футболки с грубоватыми надписями. Что случилось с местными художниками, где их работы?

Бабушкин магазин уютится внизу Харбор-стрит, у самого выхода к гавани. С первого взгляда он кажется обветшавшим, но, посмотрев на череду заброшенных домов вокруг, я радуюсь тому, что он вообще держится. Ниже, в гавани, видны несколько рыбацких лодок и полоска бледно-желтого песка: время отлива. Может, и погоду эту промозглую куда-нибудь унесет.

День выдался утомительный: с долгим переездом из квартиры на севере Лондона в Сент-Феликс, маленький корнуольский городишко. Удобства ради мама взяла для меня напрокат автомобиль, новенький черный «ренджровер». Но никакая роскошная машина не скрасит путешествия туда, куда ехать не хочешь.

Что-то сжимается внутри, когда я печально смотрю на свое взъерошенное отражение в витрине. Понятно, по-

чему парень на заправке так вытаращился, когда я подкатила на внедорожнике: физиономия бледная, длинные черные патлы растрепаны — тридцатник никак не дашь. Подумал, наверное, что мне бы на пассажирском сиденье разъезжать, а не на водительском.

Мимо проходит немолодая пара с двумя малышками, судя по одинаковым одежкам — близнецами. Женщина останавливается, чтобы поправить на одной из девочек пальтишко, поднимает капюшон, уберегая ее от пронизывающего ветра, и заодно целует в щеку.

У меня сжимается сердце.

Так и бабушка делала, когда я была маленькой.

Я отворачиваюсь, снова смотрю на магазин, и уже в который раз за этот день меня охватывает чувство вины. Сколько я ныла о возвращении в Сент-Феликс — и все-таки не вернулась вовремя.

Потому что бабушка умерла.

Не преставилась, не перешла в лучший мир, или как там это еще называют, чтобы легче стало принять неизбежное.

Просто умерла и покинула нас, как рано или поздно случается со всеми.

Все плакали. Кроме меня. Я больше не плачу.

Черное носить — это пожалуйста, я такое люблю.

Пойти на похороны, говорить, какая она была замечательная, съесть все, что приготовили на поминки, — с этим тоже проблем не возникло.

Нотариус, приехавший из Корнуолла, собрал всю семью в шикарном лондонском отеле для чтения завещания.

Мы явились: я, мама с папой, тетушка Петал и мои противные кузины Вайолет и Мэриголд. После всей мороки с похоронами чтение завещания поначалу показалось сущим пустяком. В первый момент, когда меня объ-

явили единственной наследницей бабушкиного состояния, на Вайолет и Мэриголд взглянуть было страшно. Но первый шок прошел, мама обняла меня, твердя, что это начало настоящей жизни, и нахлынула паника, вызванная осознанием реальности случившегося.

— Боюсь, мисс, сегодня вы здесь цветов не купите, — произносит голос у меня за спиной, и я, вздрогнув, возвращаюсь к реальности.

Я оборачиваюсь. Молодой полицейский с густыми темными волосами, выбивающимся из-под каски, стоит передо мной, заложив руки за спину. Он кивком указывает на витрину.

— По понедельникам здесь больше никого не бывает.

— А в остальное время?

Ничего себе. Я-то думала, сюда вообще никто не заглядывал с тех пор, как год назад бабушка, уже не обходившаяся без посторонней помощи, легла в лондонскую клинику, оплаченную ее дочерьми.

Он пожимает плечами. Судя по нашивкам, это констебль.

Особо гордиться тут нечем, но в знаках отличия у полицейских я разбираюсь хорошо. Когда столько имеешь с ними дело... Скажем так, это входит в привычку.

— Да, в остальные будние дни кое-кто бывает. Вроде как...

Я жду, когда он продолжит.

— Видите ли, прежняя владелица, увы, умерла. Похоже, славная была женщина.

— Похоже?

— Я-то ее не знал. Я здесь недавно, всего несколько месяцев.

— И кто же присматривает за магазином?

— Местная женская организация. — Он понижает голос. — Те еще мегеры. Отнюдь не те мягкие создания, которым впору цветами заниматься. Я их побаиваюсь.

Я сочувственно киваю.

— Хотя, — продолжает констебль, — не люблю я ни о ком плохое говорить. Дамы этим по доброте душевной занимаются, а по мне, такое чего-то стоит.

— Конечно, — вежливо улыбаюсь я.

— Но по понедельникам здесь закрыто. Так что если вы за цветами, то вам, боюсь, не повезло.

— Ничего страшного, — говорю я в надежде, что он оставит меня в покое. — Как-нибудь в другой раз.

— Надолго в Сент-Феликсе? — Констебль явно не прочь поболтать. Он смотрит на небо. — Здесь бывают деньки и получше.

— Пока не знаю. Надеюсь, ненадолго.

Он выглядит обескураженным.

— В смысле, может, на несколько дней. — Я тоже бросаю взгляд на небо. — Зависит от погоды.

— А, понятно. Хороший план. Отличный. — Он улыбается. — Жаль, что так вышло с магазином. Не в обиду тем леди будет сказано, но, по-моему, у них с цветами не очень получается. Если хотите что-нибудь посовременней, пройдитеесь вверх по холму к Джейку. У него найдется все нужное.

— А Джейк — это?..

Надеюсь, я не пожалею о том, что спросила.

— У него свой питомник на Примроуз-Хилл. Поставляют цветы по всей округе. Между нами... — Он наклоняется и снова понижает голос. — Я именно к нему хожу за цветами для главной женщины в моей жизни.

— Для мамы? — Как такого не поддразнить? Слишком уж этот констебль не похож на полисменов, с кото-

рыми я сталкивалась в Лондоне. Хотя эти встречи не назовешь дружескими: как правило, меня арестовывали. Ничего серьезного, мои злодеяния не заходили дальше нарушений общественного порядка и попок. Ну и самое любимое: я взобралась на льва на Трафальгарской площади. Я была бунтаркой в юные годы, вот и все. Криминала за мной не водилось.

— Да. Именно, — бормочет он, краснея. — Цветы для мамы. Ну, мне пора. Работа, знаете. Город сам за собой не присматривает.

Зря я его дразнила: он славный малый.

Он отдает честь.

— Рад был с вами поговорить, мисс.

— И я. А вы констебль?...

— Вудс, — с гордостью говорит он. — Но все здесь меня зовут Вуди. Я был против, но, кажется, это уже прилипло. Хоть бы начальство не узнало, а то не слишком солидно получается.

Я улыбаюсь.

— А по-моему, вам идет. Спасибо за совет насчет цветов, Ву... констебль Вудс. Думаю, это то, что нужно.

Он кивает.

— Просто выполняю свою работу, мисс.

Он лихо разворачивается на каблуках лакированных черных ботинок и, размахивая руками, вышагивает дальше по булыжной мостовой.

Я снова смотрю на магазин.

— Ну, поглядим, что мне от тебя досталось, бабушка Роза.

И я достаю из кармана ключ. Мама отдала мне его сегодня утром в Хитроу, когда я провожала их с отцом в Штаты.

— Точнее, что ты мне оставила на продажу.

Впервые за пятнадцать лет я осторожно отпираю дверь, горло сдавливают, и я снова переношусь в прошлое, в день похорон.

— С какой стати бабушка Роза оставила мне магазин? — нарушает мой крик тишину отеля. — Терпеть не могу цветы, она же знала! Она что, так сильно меня ненавидела?

— Поппи! — Мама потрясена. — Не говори так о бабушке, ты же знаешь, как она тебя любила! Магазин — это краеугольный камень всей империи «Гирлянда маргариток», и она бы не завещала его тебе, если бы не знала...

Она запинаясь, и я прекрасно вижу, что вертится у нее в голове: бабуля рехнулась, раз передала свой драгоценный магазин в такие руки.

Сколько раз я все это слышала: что в нашей семье всегда были цветоводы, это передавалось от поколения к поколению... В каждой ветви династии Кармайков обязательно хоть кто-то выращивает цветы, продает или работает флористом. Будто пластинку заело. Но этим дело не ограничилось. «Гирлянда маргариток» вышла на международную арену. Мама открыла магазин в Нью-Йорке, кузина затеяла свой бизнес в Амстердаме, а в этом году филиал появится в Париже. Каждый Кармайкл любил цветы — кроме меня. Мне и так перепало от фамильной традиции давать детям растительные имена, и на этом мои отношения с ботаникой завершились. Цветам не место в моей жизни, и менять этого я ни в каком обозримом будущем не собиралась.

— Ну? — подбодрила я.

Пусть моя мамочка выскажется вслух. Я же знала, что была в семье паршивой овцой, о которой говорят вполголоса. То ли бабушка не замечала этого, то ли думала, что цветочный магазин все поправит. Как она могла так ошибиться?

Мама глубоко вздохнула.

— Она не завещала бы тебе магазин, если бы не знала, что ты справишься.

— Может быть. — Я пожала плечами.

— Поппи, — сказала мама, успокаивающе поглаживая меня по руке. — Я понимаю, что тебе трудно, правда. Но бабушка дала тебе хорошую возможность. Шанс изменить свою жизнь к лучшему. Пожалуйста, хотя бы попытайся.

Тут выступил вперед отец.

— Хотя бы просто съезди и посмотри на магазин, Поппи. Ради матери, если не ради себя самой. Ты же знаешь, как много значит бабушкин магазин для нее и для всех Кармайклов?

Начинается дождь, и я, не мешкая больше у порога, заскакиваю внутрь и быстро закрываю дверь. Меньше всего на свете хочется, чтобы владельцы соседних магазинов заметили меня внутри и принялись барабанить в окно, чтобы поболтать. Я не собираюсь здесь задерживаться.

Лампу лучше не включать, и я осматриваю помещение в том скудном свете, который пробивается в окно.

Магазин оказался больше, чем я помнила. Может, я просто видела его раньше только полным цветов. При бабушке здесь на каждом шагу стояли банки с яркими букетами, только и ждущими, чтобы украсить чью-нибудь жизнь.

В магазине и сейчас полно посуды, только сейчас они пустые, будто дожидаются, когда кто-нибудь расставит в них свежие стебли с бутонами.

Я вздыхаю. На цветы мне плевать, но я очень любила бабушку и хорошо помнила счастливые, полные солнеч-

ного света каникулы, проведенные с ней в Сент-Феликсе. Это же здесь мы с братом строили замки из песка, а став старше и сильнее, занимались серфингом. А вечерами волны прилива смывали прочь тщательно возведенные, но теперь покинутые дворцы. Бабушка махала нам из шезлонга в красно-белую полоску, и термос с горячим шоколадом был готов, чтобы взбодрить наши утомленные, ноющие тела, изнемогшие после битвы с волнами...

Я встряхиваю головой.

Теперь все это в прошлом. Надо сосредоточиться на том, что предстоит сделать. И я иду в неярком свете, шаг за шагом, стараясь не упустить ничего из приборов и мебели. Все это, возможно, придется продавать по отдельности, если я выставлю магазин на торги, а покупателю обстановка не понадобится. Хотя вряд ли за это много выручишь. Мебель, похоже, вся сделана из массивного темного дуба. Огромные шкафы и комоды сдвинуты к запачканной кремовой стене. Кому они сдались? Современным магазинам подавай модное светлое убранство, чтобы клиентам было как можно удобнее.

Было у меня в жизни несколько мерзких месяцев, которые я проработала в огромном супермаркете до Рождества. Чуть не спятила, час за часом размагничивая штрихкоды на горах праздничных покупок. Дошло до того, что мне стали сниться кошмары про «3 по цене 2» и «специальное предложение», и в конце концов я посреди смены залезла на транспортерную ленту и заорала, что жадность еще никого до добра не доводила и всем им, и покупателям, и продавцам, должно быть стыдно.

Если бы это был просто очередной сон, еще полбеды, но меня стаскивали с кассы два охранника, обрадованные возможностью хоть что-то сделать, а не тупо пялиться в мониторы. Меня приволокли к заведующему

и мигом уволили с запретом работать в этой торговой сети в радиусе ближайших пятидесяти миль.

Это был пункт номер очередной в разрастающемся *Неудачном послужном списке Поппи*.

И что, этот магазин, бабушкина отрада и гордость, станет следующим?

— Остальные прыгали бы от радости, достанься им бабушкин магазин! — пищала Мэриголд на чтении завещания. — Это была бы честь. Бог знает, почему она все оставила тебе, Поппи.

— Я так и знала, — в тон ей запричитала Вайолет. — Именно ты! А ты сейчас вообще в состоянии с этим справиться?

Она склонила голову набок и окинула меня взглядом, исполненным притворного сострадания.

— Я слышала, ты все еще занимаешься медитацией?

— Медитация мне не нужна, только таблетки, чтобы вынести пару назойливых дур-кузиночек, — заявила я, и она вылупила глаза. — Я уже давно в порядке, и тебе, Вайолет, об этом прекрасно известно. Мама, пожалуй, права: бабушка хорошо это знала, поэтому и предоставила мне шанс. В отличие от некоторых.

Вайолет показала язык, как склочная малолетка.

— Я, правда, в этом не уверена, Флора. — Тетушка Петал с озабоченным видом повернулась к моей матери. — «Гирлянда маргариток» — это фамильная гордость. Как можно все это передать Поппи с ее-то прошлым?

Последнее слово было произнесено шепотом, будто оно ядовитое.

— Я здесь, вообще-то, — напомнила я.

— Поппи, — мама успокаивающе подняла руку, — я сама.

И она развернулась к Петал.

— У Поппи случались непростые моменты в жизни, как всем нам известно. А еще мы знаем, — подчеркнула она, — чем это было вызвано.

У всех сделался слегка пристыженный вид, а я прикрыла глаза. Не выношу, когда меня жалеют.

— Теперь она изменилась, верно, Поппи? — Она подбадривающе кивнула мне. — Сколько ты проработала на последнем месте?

— Полгода, — проямлила я.

— Вот видите! — заверещала Мэриголд. — Она нигде задержаться не может!

— Тут моей вины не было. Показалось, что тот парень в номере пристает ко мне. Что оставалось делать?

Меня вполне устраивала работа горничной в одном из пятизвездочных отелей Мэйфера. Работа была тяжелая, но не монотонная, и нравилась мне гораздо больше, чем я ожидала. Я даже продержалась там дольше, чем где-либо еще. Все было хорошо до того момента, как я зашла к одному чересчур игривому постояльцу, чтобы разобрать постель. По мне, так совершенно бессмысленное занятие: какой идиот сам не может откинуть для себя одеяло? Но это тоже входило в мои обязанности, и каждый вечер около шести часов я обходила номера и стучалась в двери. В тот раз мне заявили, что я «неадекватно отреагировала», когда опрокинула кувшин с водой на макушку клиенту, который, уже лежа в постели, позвал меня проверить, работает ли его «оборудование». Откуда мне было знать, что он пять минут назад звонил на ресепшен и просил прислать кого-нибудь, чтобы проверить забарахлившую систему объемного звука?

Так меня и попросили с очередной работы.

Не обращая внимания на Мэриголд, мама, демонстративно улыбаясь, продолжала:

— Что ж, сколько бы ни продлилось, все равно это был прогресс, чего мы и добивались. — Она кивнула, явно рассчитывая на всеобщее одобрение. — Надо дать Поппи шанс утвердиться и в наших глазах, и в ее собственных.

Она повернулась ко мне:

— Думаю, у тебя получится, Поппи. И бабушка Роза это знала.

Я вглядываюсь в затененную глубину магазина, пытаюсь рассмотреть, на месте ли старая бабушкина конторка. Как ни странно, да, и я осторожно направляюсь к ней. По дороге задеваю пустое ведро, и оно с грохотом опрокидывается. Быстро ставлю его на место и иду дальше.

Медленно приближаюсь к конторке. Сколько раз мы с братом прятались под ней, когда приходили покупатели, а потом с хохотом выскакивали из засады, и они подсакивали от неожиданности! Ну ладно, я выскакивала, Уилл был слишком вежлив и хорошо воспитан, чтобы кого-нибудь пугать.

Я провожу рукой по мягкой, теплой, обшарпанной поверхности, и образы ушедших дней наполняют комнату. Будто я потеряла волшебную лампу и вызвала джинна воспоминаний.

А цела ли, интересно...

Я забираюсь за конторку и включаю фонарь на телефоне. Внутренняя часть стола выступает из темноты, и я направляю свет в угол.

Она на месте.

Надпись в верхнем левом углу. Вырезана кое-как бабушкиными садовыми ножницами в приступе безумной отваги.

Здесь были У. и П. Июль 1995 г.

Это Уилл написал. Я улыбаюсь при виде буквы г с точкой. Даже в граффити все по правилам.

Бунтари вместе навсегда

Это уже я добавила внизу. Хотя непослушными нас нельзя было назвать, просто иногда мы проказничали. Мне было десять, когда мы это написали, а Уиллу двенадцать.

Знала бы я, что и двадцать лет спустя останусь бунтаркой.

— Ну... не знаю, — пробормотала я, видя, что все семейство ждет моего решения. — Вы же знаете, я цветы терпеть не могу, да и ответственность — это не мое. Может, мне его продать?

Все так и ахнули.

Мама тяжело вздохнула.

— Подождите.

Она схватила меня за руку и вытащила в вестибюль отеля. Вовремя, а то быть бы мне растерзанной родственниками.

— Поппи, Поппи! — Мама покачала головой. — Что мне с тобой делать?

— Старовата я, чтобы меня отшлепать, — отшутилась я — мой обычный защитный механизм в серьезных ситуациях. — Тридцатилетних переростков в вестибюлях понтовых отелей щетками не шлепают, может, в номер зайдём?

Мама смотрела на меня с укором.

— Когда-нибудь... — она поднесла палец к моим губам. — ...ты наживешь себе серьезные неприятности. Ты очень легко выходишь из себя, а вспыльчивый нрав при остром уме — опасное сочетание.

Я невесело усмехнулась.

— Уже сколько раз наживала.

Мама отступила на шаг и окинула меня взглядом.

— Может быть, ты унаследовала это от нее, — задумчиво произнесла она. — Такой темперамент. Твоя бабушка никогда моему отцу спуску не давала. Не то чтобы обидеть хотела, все в шутку. Точно как ты.

Она протянула руку и погладила меня по волосам.

— В молодости у нее была такая же копна черных волос, как и у тебя. Помню, как она подолгу расчесывала их перед зеркалом. В то время средств для выпрямления волос еще не было, так она собирала их в высокую прическу.

Она вздохнула, как всегда бывало, когда приятные воспоминания уступали место проблемам — как правило, связанным со мной.

— Правда, Поппи, не представляю, о чем думала мама, оставляя тебе свой драгоценный магазин. Она не питала на твой счет иллюзий. Но, видно, у нее на то были причины. А она, хотя я в молодые годы ни за что бы этого не признала, в очень многом оказывалась права.

Она посмотрела на меня с надеждой: вдруг передумаю?

— Ну ладно, ладно, я поеду, — тихо сказала я, уставившись на свои ботинки от Док Мартен. Они непривычно блестели: начистила их специально для похорон.

— Правда? — Мама засияла так, словно выиграла в лотерею. — Это чудесные новости!

— Только уговор, — сказала я. — Я поеду в Сент-Феликс и посмотрю, что там и как, но если пойму, что это не мое, или возникнут какие-нибудь проблемы, то продам магазин, и чтобы потом без претензий. Идет?

Мама слегка вздрогнула, но потом кивнула.

— Конечно, Поппи, договорились. Просто надеюсь, что чары Сент-Феликса подействуют на тебя, как бывало в детстве.

А потом произошло то, чего не случалось очень давно: она притянула меня к себе и крепко обняла.

— Может, вернется прежняя Поппи. Мне так ее не хватает.

Обнимая ее в ответ, я думала, что если только Сент-Феликс не умеет обращать время вспять, то той, прежней Поппи, не будет.

• Глава 2 •

Камелия — моя судьба в твоих руках

— Есть кто-нибудь?

Внезапно раздавшийся голос вырывает меня из воспоминаний, которым я предаюсь, уютно свернувшись под конторкой; я подпрыгиваю и ударяюсь головой.

— Ограбление, — бухаю я, когда незнакомый тип с любопытством свешивается сверху.

— Что вы там делаете?

На меня с тревогой смотрит рослый широкоплечий незнакомец.

— Ищу кое-что. — Я встаю, потирая голову. — А почему вас это волнует?

— А вы имеете право здесь находиться? — Темно-карие глаза подозрительно оглядывают меня с пят до головы.

— За воровку меня приняли? Тогда уж давайте и за дурочку: красть здесь особо нечего.

— Да еще с таким шумом.

Я молча смотрю на него.

— Я проходил мимо, услышал грохот, — объясняет он. — Вот и решил зайти проверить.

Я вспоминаю про опрокинутое ведро.

— А... понятно.

— А *вы-то* что тут делаете?

Ноги широко расставлены, руки сложены на груди. Классическая защитная позиция у мужчин. Одна из моих первых психологов была специалистом по языку тела и многому меня научила.

Я вздыхаю и качаю перед ним связкой ключей.

— Новый владелец, представляете?

Он изумлен.

— А я думал, магазин достался внучке Розы.

— Откуда вы знаете?

— Ее мать звонила, предупредила, что она приедет. Я Джейк Эшер, у меня тут цветочный питомник.

— А, так это вы Джейк.

— Да... — Джейк явно озадачен. — А вы?..

И не успеваю я рта открыть, как он вскидывает руку.

— Постойте, так вы и есть внучка Розы! — и он кивает головой. — Тогда все понятно.

— Что понятно?

— Ничего особенного, просто ваша мама предупреждала по телефону о вашем характере...

И он умолкает при виде моих сузившихся глаз.

— А давайте заново начнем, ладно? — И он протягивает мне руку. — Добро пожаловать в Сент-Феликс.

Я подозрительно разглядываю его, прежде чем пожать его руку, на удивление широкоую. Его пальцы полностью накрывают мою ладонь.

— Спасибо.

Вдруг со стороны шкафа раздается шорох, и в полумраке я вижу, как что-то лезет по полке.

— Что за черт? — вскрикиваю я, едва не нырнув обратно под конторку.

— Все в порядке! — Джейк успокаивающе поднимает руку. — Это всего лишь Майли.

Что-то спрыгивает с полки ему на плечо.

— Это что, обезьяна? — изумленно спрашиваю я, напрыгая глаза в полумраке.

— Она самая. — Джейк подходит к дверям и включает свет. — Капуцин.

— Но почему?

Я разглядываю маленького пушистого зверька. Тот настороженно смотрит в ответ и облизывает левую лапку.

— Почему она капуцин? Встретила мама-обезьянка папу-обезьянку...

— Забавно. Я спрашиваю, почему именно обезьянка? Разве не жестоко держать их в неволе?

— В целом я с вами согласен. — Джейк чешет обезьянку под подбородком, и она кладет мордочку ему на руку. — Но Майли — особый случай. Ее тренировали в Штатах для работы с инвалидами, но она не подошла. Слишком независимый нрав для работы в благотворительности. Но Майли привыкла к людям, и выпускать ее обратно в природу было нельзя. Один мой друг-американец рассказал о ней, и я решил ее взять.

Майли гладит соломенные волосы Джейка, а потом, к моему ужасу, начинает перебирать их.

Меня перекашивает.

— Да ладно вам, ничего съедобного у меня в волосах она не найдет, — шутит Джейк и достает из кармана орех. Протягивает его Майли, и та мигом перелетает на вешалку и принимается счищать скорлупу. — Это у нее просто инстинкт.

Я подозрительно разглядываю Майли из-за конторки.

— И вы просто так взяли и взвалили на себя заботу об обезьянке? — с сомнением спрашиваю я. Для меня обезьяны — это животные из зоопарка или из телевизора. Впервые вижу человека, который держит такое дома.

— Ну да, взял и взвалил, — кратко отвечает Джейк. — А в чем проблема?

— Ни в чем! — Я поднимаю руки. — Что вы делаете с обезьянкой, меня не касается.

Джейк меняется в лице, его губы дергаются.

Я соображаю, что ляпнула не то, и краснею. Обезьянка уже прикончила орех и снова недоверчиво тарачится на меня.

— Она ест фрукты? — поспешно спрашиваю я. — У меня яблоко с собой.

Джейк кивает.

— Майли любит яблоки.

Я лезу в кожаный рюкзак, достаю зеленое, слегка помятое яблоко и протягиваю его Майли.

— Э-э... — начинает Джейк.

— Она этот сорт не любит?

— Да нет, она, конечно, привереда в еде, но не настолько. Просто оно для нее великовато.

— Ох, конечно! — Я верчусь по сторонам в поисках чего-нибудь, чем можно разрезать яблоко. — Подождите!

И я бросаюсь в заднюю комнату, где бабушка колдовала над цветами, собирая их в неповторимые, порой даже экзотические букеты, при виде которых ошарашивленные покупатели начинали сиять.

Я словно делаю шаг в прошлое: комната почти не изменилась. Разве что прибрана получше: наверняка постаралась местная Женская гильдия, или кто там присматривает за магазином.

На полке стоит банка с инструментами, а в ней то, что я ищу: нож. Бабушка подрезала им наискось стебли растений, чтобы они быстрее вбирали в себя воду. Надо же, какие детали иногда вспоминаются. Я беру нож и деревянную доску и иду обратно в зал.

— Да вы не беспокойтесь, — говорит Джейк. — Ей пока для счастья ореха достаточно.

— А это не беспокойство. Я ей предложила угощение, забирать обратно нечестно. Я так никогда не поступаю.

Джейк следит, как я кромсаю яблоко на мелкие куски.

— Так, а теперь что делать?

— Просто протяните ей. Захочет — возьмет. Только учтите, Майли обычно незнакомых не любит... Ох.

Майли уже сидит напротив меня на столе и крошечной лапой забирает яблочную дольку.

— Но вы ей понравились, — заканчивает Джейк.

Мы наблюдаем, как Майли старательно мусолит яблоко.

— А зачем мама вам звонила? — наконец говорю я.

— Что собираетесь делать с магазином? — одновременно спрашивает Джейк и улыбается. — Что ж, сначала дамы. Ваша мама звонила, потому что это я поставлю сюда цветы, и она предупредила меня, что вы теперь здесь хозяйка. Не знаю, в курсе ли вы, но с тех пор как ваша бабушка легла в больницу, за магазином присматривало несколько женщин из местных. Они старались, конечно, но для Сент-Феликса их подход к цветам оказался непривычным.

Мне вспомнился Вуди. Цветы — они и есть цветы. Зачем что-то еще выдумывать?

— Все равно это любезно с их стороны.

— Конечно, — соглашается Джейк. — Вашу бабушку здесь любили. Некоторые даже ездили в Лондон на ее похороны.

— Да, я знаю.

— А теперь ваша очередь отвечать, — говорит он. — Кстати, не давайте, пожалуйста, Майли все яблоко, у нее потом будет живот пучить.

Я подавляю смешок.

— Вообще-то я сама пока не знаю. — Я оглядываюсь по сторонам. — Цветы и я... Это как-то...

Я указываю на свое одеяние: черные джинсы в обтяжку, любимые докмартееновские ботинки бургундского цвета, мешковатый длинный черный свитер.

— Мы плохо сочетаемся.

— Не думаю, — небрежно бросает Джейк. — Я в вас с первого взгляда цветочницу признал.

По идее мне должно быть лестно. Но меня это заявление задевает.

— Тогда, наверное, лучшее решение — продать магазин, — продолжает он. — Взять деньги и отправиться куда-нибудь позагорать на солнышке. Вам бы это не помешало.

— Деньги или солнышко? — уточняю я, скрестив руки на груди.

Джейк криво усмехается.

— Что-то я все время не то ляпаю. Я имел в виду солнце: вид у вас бледноватый.

— Это мой естественный цвет лица, — вскипаю я. — Просто я не мазюкаюсь искусственным загаром, как некоторые свистушки.

Майли вздрагивает от моего повышенного голоса.

— Извини, приятель, — мягко говорю я. — То есть, девочка, леди... Как к обезьянам женского пола обращаются?

— Просто по имени. Обычно этого достаточно.

— Извини, Майли, — тихо говорю я. — Не хотела тебя пугать.

Маленькие глаза-виноградинки с пониманием смотрят на меня с пушистой мордочки, будто Майли вчитывается в мои мысли. А потом с серьезным видом протягивает мне лапку.

— Она хочет подружиться, — объясняет Джейк. — Протяните ей руку.

Я так и делаю.

Но Майли, вместо того чтобы пожать мою руку, аккуратно кладет ошметки яблока мне на ладонь. А потом вспрыгивает Джейку на плечо.

— Извините, — говорит Джейк. — Она иногда немного чудит.

— Ничего, — отзываюсь я, глядя на яблочные ошметки. — Это не первый раз, когда мне приходится убирать чужой мусор, и, думаю, не последний. Вот это мне все охотно доверяют.

Джейк вопросительно смотрит на меня, но я не собираюсь просвещать его на этот счет.

— Выпить не хотите? — спрашивает он. — Тут паб дальше по улице, а вы, судя по всему... Простите, — поспешно добавляет он. — Опять я со своими домыслами.

Я внимательно разглядываю его. С виду неопасный. Вряд ли тип, расхаживающий с обезьянкой на плече, окажется серийным убийцей.

И я киваю.

— А вот это, Джейк Эшер, первая вразумительная вещь, которую вы сказали с тех пор, как сюда вошли.

• Глава 3 •

Львиный зев — предположение

«Веселая русалка», наверное, была выточена из того самого куска скалы, от которого берет начало весь Сент-Феликс. Паб, он же гостиница, стоял возле гавани, сколько я помню, и за те пятнадцать лет, что мы не виделись, совсем не изменился.

Пусть менялись хозяева и убранство, обстановка внутри оставалась прежней: тепло и радушие для всех: для гостей и для местных.

— Что вам взять? — спрашивает Джейк возле барной стойки.

На мгновение я задумываюсь. Вести машину сегодня не понадобится: я хочу остановиться в бабушкином коттедже.

— Пинту, пожалуйста.

Джейк изумленно вытаращивается. Я приподнимаю бровь.

— Никогда не видели, чтобы девушка пинту заказывала?

— Конечно, видел, — отвечает он. — Но вы же о пинте пива, а не чего-нибудь покрепче?

И тоже приподнимает бровь, а в глазах блестят веселые искры.

Приходится изобразить улыбку.

— Ну да. Пинту *пива*, пожалуйста.

— Рита, пожалуйста, две пинты моего обычного, — обращается Джейк к барменше, одетой в цветастое платье стиля пятидесятых. Прическа под стать наряду: ярко-рыжие волосы собраны в эдакий улей.

— Конечно, дорогой. — И Рита взмахом руки указывает на обезьянку: — А для Майли что?

— Ей пока не надо, Рита, спасибо.

Майли забирается на стойку и играет подставками для пива.

— Отлично. — Рита достает стаканы для пива, с интересом поглядывая на меня. — Мы нигде раньше не встречались? Кажется, я вас знаю.

— Это Поппи, — объясняет Джейк, прежде чем я успеваю что-то сказать. — Внучка Розы.

Рита сияет.

— Надо же, я так и думала, что вас узнала: вы же копия бабушки! — И на ее лицо сразу набегают тень. — Сожалею о вашей потере. Розу здесь все очень любили. Как вы без нее?

Я открываю рот, чтобы ответить.

— Верно, дурацкий вопрос. — Рита покачивает головой. — По одежде вижу, что вы еще в трауре. Ричи!

Я подпрыгиваю от ее пронзительного вопля, а с другого конца бара к нам направляется какой-то человек.

— Иди сюда, посмотри, кто тут у нас!

Ричи как раз заканчивает обслуживать клиента, проходит за барную стойку и кивает мне. На нем джинсы и пестрая рубашка с растительным узором.

— Это внучка Розы! — возмещает Рита.

— Вижу. — Ричи протягивает руку. — Рад познакомиться. Вы ведь Поппи, верно?

— Да, а откуда вы знаете?

— Ваша мама вчера звонила, сказала, чтобы мы вас ждали.

Она хоть кому-нибудь в Сент-Феликсе еще не звонила?

— Вы, как я погляжу, уже познакомились с Джейком, — говорит Ричи. — И с Майли.

Майли уже рассталась с идеей выстроить башню из подставок для пива и теперь просто терзает их на клочки.

— Да, Джейк как раз заглянул в магазин.

— Так теперь вы будете нашей цветочницей? — радостно восклицает Рита. — Какое счастье!

Она с чувством явного облегчения смотрит на Ричи, и тот кивает.

— Поппи, возможно, продаст магазин, — сообщает Джейк, прежде чем я успеваю что-нибудь сказать.

Я бросаю на него яростный взгляд, но он знай себе дует свое пиво.

Я выдавливаю улыбку.

— Вообще-то я еще не решила.

Заявление Джейка на несколько мгновений лишило Риту и Ричи дара речи.

— Ясно. — Ричи первым нарушает тишину. — Вообще грех такое продавать. Но вам решать, конечно. Если вы так надумали, могу только пожелать удачной и скорой сделки.

Лицо Риты приобретает почти такой же оттенок, как у ее волос.

— Вы не можете так поступить! — неожиданно взрывается она. — Извини, Ричи. Я знаю, что клиент всегда прав. Но этот магазин нельзя продавать! Роза его так любила! И вообще это особое место, ты же знаешь!

И она бросает на него многозначительный взгляд.

Посетители оборачиваются, чтобы узнать, из-за чего Рита так разбушевалась.

— Рита! — предостерегающе произносит Ричи. — Был уговор: за стойкой свое мнение держи при себе. Извините, Поппи.

— Все в порядке, — говорю я, хотя такая вспышка меня озадачивает. — Мне нравится, когда люди говорят, что думают. Кроме того... — и теперь уже я бросаю выразительный взгляд на Джейка, — я еще ничего окончательно не решила. Мне нужно несколько дней, чтобы разобраться.

— Вы должны ее переубедить! — Рита хватается Джейка за руку. — Вы же знаете, как магазин важен для города!

Джейк мягко сжимает руку Риты и опускает ее на стойку.

— Поппи сама разберется, — говорит он. — Она взрослая женщина со своими взглядами.

— Скоропалительных решений не будет, обещаю. — Я пытаюсь ее успокоить.

Рита коротко кивает головой:

— Что ж, и то хорошо.

— Ладно, оставляем вас с вашим пивом, — говорит Ричи. — Зовите, если захотите чем-нибудь закусить. Есть крекеры и спагетти, и... — Он обводит взглядом полупустой паб. — Если что-нибудь не выскочит, то до конца недели мы с Ритой только этим и довольствуемся.

Джейк достает деньги, но Ричи останавливает его.

— За наш счет. В память о Розе.

Ричи уводит Риту на поиски страждущих посетитель.

Я отпиваю глоток.

— Вы для этого меня сюда привели? Знали, какая будет реакция, и хотели меня так разубедить?

Джейк пожимает плечами.

— Ничего подобного. Просто это единственная пивная в Сент-Феликсе, а мне хотелось промочить горло.

Я смотрю на него поверх стакана.

— Честно. Мне все равно, продадите вы магазин или нет.

— Не все равно, — говорю я, следом за ним пробираясь к освободившемуся столу у окна. — Если я продам магазин кому-нибудь, кто не захочет заниматься именно цветами, вы окажетесь не у дел.

Джек смеется.

— Что? Что такого смешного?

— Какой бы милой ни была ваша бабушка, я поставлю цветы не только в ее магазин, но и по всему Корнуоллу.

— Я этого не знала.

— Вы что-нибудь о цветах вообще знаете? — спросил Джейк. — А то я думал, что у вас это семейный бизнес.

— Не особо, — признаюсь я. — Всегда старалась держаться от этого подальше.

— Почему?

Я пожимаю плечами:

— Не знаю. Цветы — это не мое.

— А что тогда ваше?

Я задумываюсь.

— Если честно, я с этим еще не определилась.

Джейк наблюдает за мной, потягивая пиво.

— Что? — спрашиваю я. — О чем задумались?

— Вот правда, ни о чем, — говорит он. — А вы обидчивая.

— Ничуть. И если я не втянулась в семейный бизнес, это не означает, что у меня какие-то проблемы!

— А я и не говорил, что у вас проблемы. — Джейк покачивает головой. — Сижу себе, пиво пью. Только и всего.

Мы оба хватаем стаканы и пьем, глядя куда угодно, но не друг на друга. Я слежу за Майли, играющей на другом конце бара: кажется, Рита угостила ее орехами. Обезьянка старательно сдирает с них скорлупу, аккуратно заталкивает очистки под полотенце и с удовольствием вгрызается в ядро.

— Извините, — через некоторое время говорю я, поворачиваясь к Джейку. — Я немного вспылила. Водится за мной такая скверная привычка.

— Без проблем. — Джейк с дружелюбным видом пожимает плечами.

— Просто я уже сотни раз такое выслушивала, — пытаюсь я объяснить, в чем дело. — Что я должна заниматься семейным бизнесом, как все. Что я какая-то странная, раз ни за что в жизни зацепиться не могу.

— Я и не говорил, что вы странная. — Джейк внимательно смотрит на меня. — А вы себя сами такой считаете?

Я закатываю глаза.

— А теперь вы прямо как мои психологи. Тоже пытаетесь обратить мои слова против меня.

— Вы обращаетесь к специалистам? — спрашивает заинтересованный Джейк и придвигает стул поближе.

— Да, ну и что? Многие обращаются.

— Так я и не сказал, что в этом есть что-то плохое. М-да, нелегко с вами.

Я смотрю на Джейка. Зря я ему сцену устроила, он же просто пытался оказать мне любезность.

— Знаю. Тоже не раз слышала. Иногда это называют высокими запросами.

— А вы как это называете? — спрашивает Джейк, и в его темных глазах снова вспыхивают веселые искорки, которые ему очень идут.

— Я просто стерва неуклюжая, — говорю я и, отхлебывая пиво, наблюдаю за его реакцией.

К моему восторгу, он хохочет. Мы улыбаемся друг другу, и возникшее было напряжение пропадает.

— Закажем что-нибудь поесть? — спрашивает Джейк, бросая взгляд на часы. — Знаю, что всего пять, но я зверски проголодался.

— Давайте, — охотно соглашаюсь я. Когда это я от еды отказывалась? — Я тоже голодная.

— Сейчас принесу меню, — говорит он, поднимаясь. — И еще мне надо будет позвонить.

— Конечно, — отзываюсь я и смотрю, как Джейк идет к барной стойке. Он забирает Майли и два меню, протягивает одно из них мне и берет свой телефон.

— Сейчас, отзвонюсь.

Он выходит, а я пялюсь в меню, делая вид, что читаю, а сама не могу сосредоточиться. Ты мозгами хорошо пошевелила, Поппи? Всего пару часов в городе, а уже ужи-

наешь с незнакомцем. Ну хорошо, не совсем с незнакомцем, но тем не менее.

Джейк вообще не в моем вкусе. Более зрелый, чем парни, к которым меня обычно тянет. Ему где-то около сорока. Плечистый, мощный, но это может быть не от тренировок, а из-за того, что он сам пашет в своем питомнике. По виду он славный, но я сейчас ни с кем не хочу завязывать отношений. Особенно ни с кем из Сент-Феликса. Потому что иначе могу застрять здесь навсегда.

Дудки. Надо сохранять ясную и холодную голову, пусть даже у Джейка самая симпатичная улыбка, какую мне доводилось видеть...

Возвращается Джейк с Майли на плече, садится напротив, и я прикидываюсь, будто изучаю меню.

— Извините, — говорит он, когда я поднимаю на него глаза. — Надо было позвонить домой, предупредить, что задерживаюсь.

— Ничего страшного, — говорю я, а у самой в голове чехарда.

Домой?

Я делаю вид, что читаю меню, а сама украдкой бросаю взгляд на левую руку Джейка и вижу золотое обручальное кольцо, которого не заметила раньше.

Черт, так и знала: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он женат.

— И как, ваша жена не против того, что вы тут ужинаете? — Мне крепко не по себе. Поужинать с мужчиной сразу после знакомства — полбеды, но с женатым...

— Я не жене звонил, а детям, — говорит он.

Господи, у него и дети есть! Я прикидываю, как бы отсюда слинять. Вот почему я стараюсь держаться от мужчин подальше. Пяти минут не провела в городе и уже попала на милую улыбку и накачанную задницу.

— Ага, понятно, — осторожно говорю я и снова утыкаюсь в меню, ставшее вдруг невероятно интересным.

— Они уже подростки, вполне сами могут готовить себе еду, — продолжает Джейк, не замечая моего замешательства. — Но я всегда предупреждаю их, когда задерживаюсь.

— Разумеется.

— Что-нибудь не так? — Джейк вопросительно смотрит на меня. — Что-то вы притихли. Вы можете быть какой угодно, Поппи, но это на вас не похоже.

Не в моих привычках подслащивать пилюлю, и я выдаю напрямик:

— Я не вижусь с женатыми мужчинами.

Джейк оглядывается по сторонам.

— Где не видите?

— Я имею в виду, не встречаюсь с женатыми. Одно из моих правил.

Я с довольным видом откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. Вру, конечно, нет у меня насчет свиданий никаких правил. Но звучит круто.

Джейк морщит загорелый лоб, пытаюсь въехать в смысл моих слов, а потом расплывается в улыбке.

— Так вы думали... — Он поводит пальцем от себя ко мне. — Это свидание?

Майли у него на плече пронзительно верещит и хватается за живот, словно от хохота.

Я заливаюсь краской.

— А что тогда? Приглашаете поужинать, а потом говорите, что женаты. Извините, конечно, но для меня это несовместимо.

Джейк кивает:

— Теперь понятно.

— Что понятно? — спрашиваю я.

Джейк залпом допивает свой стакан и со стуком ставит его на стол.

— Что ж, спасибо, что дали мне почувствовать себя местным волокитой. Каковым я, смею вас заверить, не являюсь. Просто вел себя по-дружески, только и всего. Роза была чудесным человеком и верным моим товарищем. Вот я и подумал, что хорошо будет поддержать ее внучку. Видимо, ошибся. — Он встает. — Хорошего вечера, Поппи. Может, увидимся до вашего отъезда.

А потом, к моему ужасу, он разворачивается и, не оглядываясь, с Майли на руках выходит из паба.

С щеками, пылающими под стать разогретым фахитас, которые Рита приносит на соседний столик, я хватаю свой стакан и пью, украдкой озираясь: заметил ли кто-нибудь, что произошло? Но народу в пабе мало, а те, кто есть, заняты своими делами и даже не смотрят в мою сторону. И я тихонько поднимаюсь и выскальзываю за дверь.

Я в своем репертуаре.

· Глава 4 ·

Подснежник — надежда

Бабушкин коттедж «Подснежник» — маленький домик с парой комнат на первом этаже и парой на втором. Он стоит посреди Нижней улочки, тянущейся от другого конца гавани до самой «Гирлянды маргариток».

От магазина до дома рукой подать. Я ухитряюсь на несколько минут перекрыть движение, пока достаю вещи из внедорожника, припаркованного перед коттеджем.

Рассыпавшись в извинениях перед целой очередью водителей, я отгоняю машину на стоянку и возвращаюсь, чтобы распаковать багаж.

Много времени на это не уходит. Кое-что из вещей я притаскиваю в спальню, которую в детстве мы делили с братом. Застилаю одну из парных кроватей и наскоро осматриваю дом.

Внизу все, как мне и запомнилось: тихая спальня в задней части дома, рядом с крохотной ванной. Уютная кухня в светло-голубых тонах, с окнами, выходящими на улицу; черная плита и стол с четырьмя стульями. Не изменилась бабушкина спальня наверху: массивная старомодная кровать с лоскутным покрывалом из гагачьего пуха, беленая мебель, которой стоять бы в комнате побольше. Напротив светлая гостиная с мягким алым диваном, на котором навалены пестрые подушки, креслом-качалкой, маленьким телевизором и книжным шкафом, полным книг, журналов и бумаг. Едва переступив порог, понимаешь, почему бабушке понадобилась гостиная именно на втором этаже. Через французские окна с балконом открывается превосходный вид на залив, живо запомнившийся мне с детства.

Я выглядываю из окна. Увы, большую часть пейзажа скрадывает густой туман, к тому же льет дождь. Но, стоя на балконе, глотая капли дождя, я вижу охапки поникших желтых нарциссов и пестрых тюльпанов в деревянных кадках.

Урчит в животе, и я спохватываюсь, что после остановки на заправке так ничего и не ела. Спускаюсь вниз, снимаю с вешалки у кухни тяжелое синее непромокаемое пальто с капюшоном и надеваю его. Тереблю висящую рядом зюйдвестку, но решаю, что вид у меня и так дурацкий и незачем дальше выставлять себя на посмешище.

Затем беру сумку, отпираю дверь и отправляюсь в город на поиски пропитания.

Вскоре мои ноздри улавливают запах рыбы и чипсы, и я сворачиваю в припортовый рыбный магазин, по-собачьи стряхнув с себя как можно больше воды на пороге.

Внутри уже есть пара человек. Я становлюсь в очередь и жду.

— Всего одну порцию? — спрашивает круглолицый добродушный кассир. — Не похоже на тебя, Джейк! С твоим-то выводком ты обычно оптом затариваешься.

Ох, нет, только не это!

Но это именно оно.

— Планы на ужин изменились, Мик, — отвечает знакомый голос. — Дети уже поели, теперь я один остался.

Я прижимаюсь к стенке и сосредоточенно изучаю доску объявлений: встреча с городским советом, благотворительная распродажа, кошка пропала...

— Ага, тогда понятно.

— Только дети вряд ли будут в восторге, если я заявлюсь домой с угощением, а они не при делах. Пожалуй, поем в фургоне.

— Хороший план, — одобряет кассир. Слышится шорох оберточной бумаги. — Нет-нет, приятель, это от меня. Жене так понравились твои цветы, что я перед тобой в долгу.

— Счастливо, Микки! — говорит Джейк. — Пока, Лу.

Это уже сказано женщине в очереди передо мной. Джейк выходит, и колокольчик над дверью звенит ему вслед.

Ффух, он меня не заметил!

Лу, стоящей передо мной, приходится ждать, пока для нее поджарят цыпленка, и подходит моя очередь.

— Что вам, красавица? — Микки широко улыбается, и зубы на загорелом лице кажутся еще белее, чем они есть.

— Треску и чипсы, пожалуйста.

— Конечно, красавица. Треску покрупнее?

— Да, если можно, и чипсы тоже большие.

Микки ухмыляется, стоя за кассой.

— Аппетит разыгрался? — весело спрашивает он.

— Немножко. — Я улыбаюсь в ответ.

— Треска будет через пару минут, — говорит Микки. — Но свежая и хорошая. Пойдет?

— Конечно.

Я отступаю в сторону и улыбаюсь Лу. Это немолодая женщина, закутанная от дождя в пальто вроде моего.

— Такие дни здесь редко выдаются, — говорит она, кивая на дождевик. — На завтра уже хороший прогноз.

— Это хорошо.

— В городе сегодня тихо, покупателей почти не было.

— А у вас какой магазин? Может, она работает с «Гирляндой маргариток» по соседству?

— Я заведую почтовым отделением, и еще у меня газетный киоск, — говорит она. — Апрель — странный месяц. Местные-то всегда на виду, а туристы в такую пору бывают разные, в зависимости от погоды. Мы торгуем мороженым, напитками, сладостями, всем таким. В солнечную погоду все идет нарасхват, а в дождь продажи падают.

Я киваю, гадая, зачем столько подробностей.

— Я смотрю, сейчас много магазинов закрыто.

— Да, и это очень печально. Но такое только за последний год началось, обычно здесь жизнь бьет ключом. А сейчас просто стыд.

— Лу, твое готово, — окликает Микки из-за кассы. Он протягивает большой пакет с упакованным цыпленком. — И откуда вы все взяли такие оголодавшие?

И он смеется.

— Это же не все для меня! — оправдывается Лу. — Брат на несколько дней приехал из Бирмингема, а он такое любит.

Микки кивает.

— Приятного аппетита вам обоим!

Лу улыбается ему и направляется к дверям.

— До встречи, Поппи! — говорит она мне с порога.

Я уже поднимаю руку, чтобы помахать, и тут до меня доходит. Погодите! А откуда она знает мое имя?

Я смотрю на нее через залитое водой окно: Лу отвязывает бассет-хаунда, привязанного под навесом магазина напротив, и они вместе уходят по улице.

— Вот! — отвлекает меня Микки от раздумий. — Крупная треска и чипсы.

Он снимает рыбу с плиты, кладет на бумагу и посыпает чипсами.

— Вы-то, надеюсь, не будете есть в фургоне в одиночку? — спрашивает он.

Я тупо смотрю на него.

— Как Джейк, в смысле?

И тут же горько жалею, что это брякнула.

— Ну да, бедняга. Он так до сих пор и не оправился, верно?

Микки решил, что раз я знаю имя Джейка, то мне известно и все остальное.

— Нет, — осторожно говорю я, покачав головой. — А вы думаете, оправится?

Надеюсь, ответ все прояснит.

Микки высыпает остаток чипсов и заворачивает мою покупку.

— Не знаю. Вот так потерять жену — это кого угодно подкосит. Хотя он еще молодцом — благодаря детям держится.

— Да... — Я торопливо киваю, подначивая Микки продолжать.

Так Джек вдовец? Или жена его бросила?

— Самая ухоженная могила на церковном дворе.

Микки протягивает мне чек.

— Семь фунтов, пожалуйста, моя красавица. Каждую неделю свежие цветы, без пропусков.

Вдовец... Вот теперь мне совсем погано.

— Да, это хорошо, — произношу я, забирая сверток. — Спасибо.

— Не за что, — отзывается он, разглядывая меня с любопытством. — А вы здесь раньше бывали? Лицо знакомое.

— Бывала очень давно, — говорю я истинную правду. — Я здесь ненадолго, по делу.

Микки явно доволен объяснением.

— Меня память на лица не подводит, — подмигивает он.

— До свидания! — говорю я, направляясь к выходу. — Буду еще захаживать.

Я закрываю за собой дверь, надеваю капюшон — и едва не припускаю бегом со своей треской, когда замечаю белый фургон, припаркованный возле гавани.

На нем выведено красной краской: Джейк Эшер — цветы.

Я задумываюсь на мгновение, а потом, не давая себе времени, чтобы струсить, меняю направление и иду к гавани и к белому фургону...

• Глава 5 •

Лесной орех — согласие

Стучусь в окно со стороны водительского сиденья и вижу Джейка: расстелил обертку с рыбой и чипсами на коленях и алчно уплетает их.

Он поднимает голову и видит меня в непромокаемом пальто, под струями дождя. Щурится, пытаюсь разглядеть под капюшоном, кто это отрывает его от ужина.

Узнав меня, он опускает окно.

— Да?

Такого я не ожидала. Думала, он сразу откроет дверь и впустит меня в сухой и теплый фургон.

— Я... я хотела поговорить с вами, — бормочу я, запинаясь.

— О чем? — спрашивает Джейк, и лицо его лишено всякого выражения.

— О том... в пабе. Извините меня.

— Все в порядке, — отвечает он. — Извинения приняты.

И начинает поднимать стекло.

— Нет, постойте! — кричу я.

Джейк останавливается и выжидательно смотрит на меня.

Я лихорадочно соображаю.

— Я поговорить хотела... о цветах... для магазина.

Джейк обдумывает услышанное.

— Что ж, по-моему, вам лучше забраться внутрь.

И пока я обегаю вокруг фургона, убирает какие-то бумаги с пассажирского сиденья.

Я залезаю внутрь и пытаюсь вылезти из мокрого пальто, но это не так-то легко сделать, удерживая на коленях сверток с ужином.

Джейк сидит, откинувшись в водительском кресле, совсем рядом, и я улавливаю приятный аромат лосьона после бритья, смешанный с чем-то еще более мягким... Конечно же, со свежими цветами.

— Так лучше? — спрашивает он, когда я наконец выбираюсь из пальто.

— Да, спасибо. Это не мое, — торопливо сообщаю я. — Оно висело в бабушкином коттедже.

Джейк улыбается.

— Я заметил, что это не ваш стиль.

На языке вертится «И что это значит?» — но я заставляю себя сделать глубокий вздох и вместо этого смотрю на сверток с ужином у него на коленях.

— Пожалуйста, ешьте, не обращайтесь на меня внимания.

Джейк странно смотрит на меня.

— Хорошо, но только при двух условиях.

— При каких? — Я настораживаюсь.

— Во-первых, вы тоже ешьте, пока ваша порция не остыла. А во-вторых, объясните, что за вежливость и кротость на вас напали. На вас это не похоже.

Мы вдвоем уминаем ужин в фургоне Джейка.

— Так что вы хотели спросить о цветах? — интересуется Джейк, когда формальные темы вроде погоды, Сент-Феликса и магазина Микки уже обмусолены. Должна признать, что нейтрально-вежливый треп никогда не был моей сильной стороной.

— Вы передумали, решили остаться и работать в магазине?

Не дождавшись ответа, Джейк поворачивается и вопросительно смотрит на меня.

— Э-э... Ну да. Я над этим думаю.

— И что к этому подтолкнуло?

— Ох, все, не могу я так больше! — кричу я, хватаясь за голову — не лучшая идея, после того как поешь рыбу с чипсами.

У Джейка озадаченный вид.

— Как не можете?

— Сидеть тут как ни в чем не бывало, болтать о том о сем и врать, будто хочу сохранить магазин. Это все не я.

— Зачем тогда в мой фургон влезали? — По лицу Джейка пробегает легкая улыбка. — Не за моими же познаниями в цветоводстве, какими бы обширными они ни были.

Я повышаю голос — это срабатывает защитный механизм.

— Я не влезала, это вы меня пригласили!

— Не мог же я вас оставить под дождем, — ухмыляется Джейк. — За кого вы меня приняли?

Стоит мне начать заводиться, как Джейк сразу остужает мою ярость. Как ему это удается?

— Говорю же, извиниться хотела, — отвечаю я уже спокойнее.

— Вы это еще на улице сделали. Что еще изменилось? Вы же были твердо убеждены, что я распутный прелюбодей.

— Я такого не говорила. — Я смотрю на его руку, лежащую на руле. — Ваше кольцо. Я думала, вы женаты.

— А... кольцо. — Джейк задумчиво смотрит на свою руку. — Да, верная примета.

Он переводит взгляд на меня; веселья на лице как не бывало, и голос становится серьезным.

— Я был женат... какое-то время назад. Но моя жена... — Он сглатывает, и я чувствую, как ему больно. — Она умерла.

— Мне очень жаль.

На его губах появляется слабая улыбка, какая бывает, когда улыбаться — это последнее, что людям хочется делать.

— Бывает такое. Случается каждый день с десятками... да какое там, с сотнями человек. Только не представляешь, что это может произойти и с тобой тоже.

Мне хочется взять его за руку, сказать, что хорошо

знаю это чувство. Но я сижу неподвижно и жду, когда он продолжит.

Джейк смотрит вперед, на дождевые потеки, сбегаящие по лобовому стеклу.

— Не надо говорить, если не хочется, — произношу я. Он пожимает плечами.

— Почему вы не должны быть в курсе? Если вы надумали задержаться в Сент-Феликсе, рано или поздно вас кто-нибудь просветит. Уж лучше это буду я. — Он делает небольшую паузу. — У Фелисити — так звали жену — было редкое заболевание сердца. Мы и не догадывались, что что-то не так. Просто вот она была... И вдруг ее не стало.

Он снова смотрит на меня, и лицо его искажено от тоски и горя.

— Она была на пробежке, когда это случилось. Пробежка — это ведь должно быть полезно? Вам так рассказывали?

Он ждет ответа, и я киваю.

— Сказали, что это могло произойти в любой момент, не важно, бегала она или нет. И все-таки, когда я вижу, как кто-нибудь бежит трусцой, хочется кинуться к нему и сказать: «Не надо, вы сокращаете свою жизнь». — Он криво усмехается. — Считаете меня чокнутым?

Я мотаю головой.

— Люди как-то справляются с этим. И мне удалось, на свой лад. Так у меня в конце концов появилась Майли.

— А где она? — спохватываюсь я и оглядываюсь, уверенная, что она скачет внутри фургона.

— Вы правда хотите знать? — На его губах снова искренняя улыбка.

Я киваю.

— Пристегивайтесь, покажу.

Я колеблюсь.

— Ах, простите, забыл, что я извращенец. — Джейк корчит дурацкую рожу и скашивает глаза к переносице.

— Хватит вам, я ведь уже извинилась!

На самом деле я радуюсь, что он пришел в себя, а то утешитель из меня неважный.

Джейк ухмыляется.

— Извините, не удержался.

— Так где Майли?

— Сначала пристегнитесь, — командует Джейк. — И поехали!

Мы вырুলиваем из центра города, едем вверх по холму и останавливаемся у здания школы.

Джейк вылезает из машины, а следом выхожу и я.

— Куда мы идем?

Я едва не бегу, чтобы поспевать за его размашистыми, уверенными шагами.

— Сейчас увидите. — И он входит в школу. — Это здесь.

Мы проходим по главному коридору и оказываемся в художественной галерее. На стенах в рамках развешаны картины учеников: надо признать, очень хорошие. У входа в класс Джейк останавливается у стеклянного шкафчика.

— Дочкина работа, — говорит он с гордостью. — В прошлом году сделала.

— Ого! Красиво! — Я разглядываю изящный горшочек из папье-маше, покрытый глазурью. — Как будто из галереи.

— Знаю, — говорит Джейк. — Она очень талантливая. Ей было четырнадцать, когда она сделала эту штучку. И еще она рисует.

— Правда? Художественные способности она унаследовала от вас?

Джейк качает головой:

— Нет, от матери. Я больше по практической части, понимаете?

Я киваю.

Джейк открывает дверь, и мы оказываемся на пороге класса в самый разгар занятий. За мольбертами трудятся сидя, стоя, с дюжину человек. Кто работает пастелью, кто углем, кто карандашами, но на всех рисунках есть кое-что общее.

Обезьянка.

Одна Майли, несколько Майли в разных позах, абстрактная Майли, загогулина, больше похожая на скрипичный ключ, чем на Майли, — и сама героиня дня, возвышается надо всеми на шкафу, уплетая банан. Хотя, судя по рисункам, она тут уже много где успела побывать.

Она замечает Джейка, восторженно верещит, слезает со шкафа, подбегает и забирается ему на руки.

— Минута в минуту! — восклицает стройная молодая женщина с длинными белокурыми волосами — как я понимаю, преподавательница. — Нам пришлось нелегко, но дело того стоило! Хочу поблагодарить Майли за то, что она согласилась позировать. Настоящая звезда!

Класс взрывается овациями, и Майли, сидя на плече у Джейка, отвечает легким поклоном.

Студенты начинают собирать свои инструменты, а преподавательница подходит к нам. Улыбается мне и поворачивается к Джейку.

— Ты нас опять выручил, Джейк, спасибо, — говорит она, прикасаясь к его руке. — С Майли удивительно хорошо работать, так захватывающе.

— Наверное, вам лучше бы что-нибудь более усидчивое, — отвечает Джейк. — Чтобы легче было рисовать.

— Но в этом же весь интерес! — И она со смехом придвигается к нему.

— Давайте я вас друг другу представлю. Поппи, это Белль, наша художница. Белль, а это Поппи, она... — Он на миг запинается. — Она в Сент-Феликсе недавно.

— Привет! — Белль окидывает меня оценивающим взглядом и явно решает, что в вопросе притязаний на Джейка ей опасаться нечего. Притязаний, о которых сам он понятия не имеет. — Как тебя занесло в Сент-Феликс?

— Я унаследовала магазин на Харбор-стрит, — говорю я, рассудив, что таиться незачем. Какой смысл, если столько народу уже знает?

— Правда? Вот это да! — Голос Белль звучит вполне искренно. — Так мы соседи! У меня студия рядом.

— Да, я ее видела сегодня.

— Ну, что теперь? — Белль меняет тему на более интересную. — Джейк, могу угостить тебя в «Русалке» в благодарность за аренду Майли. Тебя, конечно, тоже, Поппи, — прибавляет она после секундного раздумья.

Джейк колеблется.

— Вообще-то я там был совсем недавно.

У Белль удивленный вид.

— Правда? Рановато для тебя. Может, снова туда заскочим? — Она придвигается к нам и понижает голос. — Только между нами тремя: мне всегда хочется опрокинуть стаканчик после работы с этим классом. Счастливо, Боб! На следующей неделе увидимся!

И она машет парню с мольбертом и коробкой красок.

Джейк поворачивается ко мне:

— Поппи, как насчет еще одного стаканчика в «Русалке»?

— До свидания, Джун! — Белль поворачивается к женщине, проходящей мимо. — Отличная работа сегодня, у тебя восхитительные наброски углем.

— Обещаю, что это не свидание, — шепчет Джейк. — Белль будет дуэньей.

— Ну, раз такое дело, — так же шепотом отвечаю я, — то можно и по стаканчику.

Но пока мы ждем, когда все ученики соберут свои мольберты, кисточки и портреты Майли, крохотная частичка души мечтает, чтобы нас снова было только двое.

• Глава 6 •

Лаванда — недоверие

На этот раз в «Веселой русалке» народу побольше, но все равно мы без труда находим для себя местечко в дальнем конце зала.

— Что вам, девочки? — спрашивает Джейк. Майли забирается на свое излюбленное место возле подставок для пива.

— Белое сухое, пожалуйста, Джейк, — говорит Белль. — Что-то здесь многовато народу для вечера понедельника.

Это называется «многовато народу»?!

— Женская гильдия. — Джейк перегибается через стойку, высматривая Риту или Ричи. — Они обычно заходят сюда после собрания.

Он изображает, как подносит к губам воображаемый стакан и опрокидывает его залпом.

Белль заливается смехом, чересчур бурным для простой шуточки.

— Поппи, тебе то же самое?

— Так вы здесь были вдвоем?

На хорошеньком личике Белль появляется гримаска недовольства.

— Заскочили на минуточку, — сообщаю я ей. — Да, Джейк, мне то же самое.

Может, стоило заказать что-нибудь поэлегантнее, но мне нравится пиво. И я не собираюсь от него отказываться только ради того, чтобы не отставать от Белль.

А если и откажусь, стакан другой формы дела не поправит. Белль миленькая, хрупкая, изящная. Со своими волнистыми белокурыми волосами, обрамляющими нежное личико, она смахивает на фарфоровую куклу. И тут я в тяжелых башмаках и черном балахоне, да еще и с ростом пять футов девять дюймов. Эдакий Дарт Вейдер с принцессой Леей.

— Вернулся? — спрашивает Ричи, добравшись наконец до нас. — И теперь уже с двумя очаровательными леди. Джейк, я в толк не возьму, как ты так ухитришься?

Джейк ухмыляется и делает заказ, а я верчусь по сторонам, гадая, кого Ричи имел в виду. И вдруг до меня доходит, что вторая очаровательная леди — это я и есть.

Нечасто меня так величают. Точнее, никогда.

— Вы уже устроились в бабушкином коттедже? — спрашивает Ричи, наполняя стакан пивом. — Оттуда, наверное, потрясающий вид на залив.

— Да, обустроилась, и вид потрясающий. Сегодня, правда, через туман мало что разглядишь, но в ясную погоду там очень красиво.

— Вы извините за Риту, — говорит он, поставив один стакан на стойку и берясь за следующий. — Ее иногда заносит.

— Все в порядке, правда. По мне так пусть лучше говорят в глаза, чем шушукаются за спиной.

— Знакомое чувство. — В голубых глазах Ричи сверкает искорка, когда он косится на меня, а потом снова склоняется над стаканом. — Цветочный магазин для нас обоих многое значит, вы в курсе?

— Я так и поняла. Очень уж Рита хотела, чтобы я его сохранила.

Ричи кивает, ставит второй стакан рядом с первым и берется за бутылку вина.

— Я обычно во всякие чудеса не верю, — продолжает он, аккуратно наполняя бокал. — Но в том, что мы с Ритой сейчас здесь, частично заслуга вашей бабушки и ее цветов.

— Правда?

Он кивает и придвигает к нам бокал с вином.

— Да, Поппи, не знаю уж, как и что именно она сделала, но благодарить мы должны именно ее. Девять фунтов восемьдесят центов, пожалуйста.

— Но как она вам помогла? — спрашиваю я, пока Джейк достает десятифунтовую купюру и протягивает ее Ричи.

— погоди, ты платил раньше! — протестую я и лезу за кошельком. — Моя очередь.

— Это было бесплатно, помнишь? — отвечает Джейк. — И потом, не могу же я допустить, чтобы за меня платили дамы.

Я поворачиваюсь к Белль в поисках поддержки, но та и ухом не ведет, только потягивает свое белое. Я разрываюсь между желанием вытянуть из Ричи побольше о моей бабушке и попыткой остановить Джейка.

Ричи я в конце концов упускаю, и он убегает к другим посетителям, а Джейк отказывается взять деньги.

— Не будь таким старомодным! — сержусь я. — Женщины вполне могут платить за выпивку.